

Выступление

Путь назад прошёл неспешно, и в резиденцию Чжэньбэй-вана они вернулись лишь два дня спустя.

Гао Сюньчжи, услышав об их возвращении, тотчас вышел встречать. Особая внешность Фоцзы — а в особенности его бросающаяся в глаза бритая голова — не позволила ошибиться, и канцлер сразу его узнал.

Гао Сюньчжи выказал невероятный энтузиазм: он и кланялся, и осыпал гостя любезностями. Сяо Жун, наблюдавший за этим со стороны, почувствовал укол досады.

«Вот старый лис! Едва увидев новое лицо, позабыл о старом друге!»

Фоцзы, похоже, привык к столь горячему приёму, поэтому он невозмутимо поблагодарил канцлера и отправился располагаться.

Когда он ушёл, сияющая улыбка на лице Гао Сюньчжи мгновенно исчезла. Он с сокрушённым вздохом повернулся к Сяо Жуну и ткнул в него пальцем:

— Ах ты, мой мальчик! Зная, что здоровьем слаб, зачем же было так утруждаться! Посмотри, как исхудал! К счастью, я велел на кухне заранее приготовить твой любимый куриный суп с красными финиками. Целый котёл оставил, никому не позволю и ложки взять.

Тот промолчал.

«Беру свои слова обратно. Уж лучше бы ты и дальше привечал новичка»

Теперь он при одном только упоминании куриного супа менялся в лице. Однако, несмотря на все протесты, Гао Сюньчжи всё же заставил его съесть целую миску. Едва добравшись до своих покоев, Сяо Жун сладко потянулся и уже собрался было отдохнуть, как заметил, что А Шу, следовавший за ним по пятам, надул губы.

Советник снова промолчал.

Одна напасть сменяла другую.

Помолчав, он улыбнулся:

— А Шу, что случилось? Да на твоих губах хоть кувшин вешай.

Юноша смущённо поджал губы и лишь спустя мгновение произнёс:

— Почему господин не взял меня с собой? Будь я рядом, я мог бы позаботиться о вас.

— Дорога туда и обратно заняла всего несколько дней. К тому же, мы ехали в такой спешке, брать с собой лишнего человека было бы неудобно.

Его глаза тут же покраснели.

— Господин, вы считаете, что А Шу больше не нужен?

— Нет.

Но тот не поверил и лишь обиженно опустил голову. С подростками и впрямь нелегко.

Помолчав немного, Сяо Жун поманил его к себе:

— А Шу, у меня есть для тебя одно важное поручение.

Деловые вопросы всегда были превыше всего. Юноша поспешно вытер глаза и подошёл к нему.

— Я доложу государю, чтобы он выделил тебе отряд, — сказал Сяо Жун. — Ты отправишься в округ Синьань, заберёшь мою бабушку и И-эра и отвезёшь их в Чэньлю. Ты внимателен и способен, я уверен, ты сможешь устроить всё наилучшим образом.

Он ожидал, что А Шу придёт в восторг, и глаза юноши действительно на миг вспыхнули, но свет тут же погас. Тот нахмурился и спросил:

— Если я поеду за старой госпожой и маленьким господином, то кто будет прислуживать вам?

Советник не ожидал, что этот вопрос волнует его больше всего, и невольно улыбнулся.

— Неужели в ванфу мне не найдут прислуги? Да и не нуждаюсь я в ней. Я знаю, о чём ты беспокоишься. Боишься, что я снова заболею, а никто и не заметит. Не волнуйся, я просто позову стражника.

Хоть слуга всё ещё был беспокоен, но после того, как господина похитил Ли Сюхэн, охрана резиденции стала куда строже, а канцлер Гао очень заботился о господине, так что ничего плохого случиться не должно.

Тот согласно кивнул и спросил:

— Когда господин выступает?

— Скоро, — подумав, ответил Сяо Жун. — От десяти до двадцати дней. Я непременно отправлюсь вместе с государем и остальными. Путь предстоит неблизкий, с обозом и пожитками мы будем двигаться медленно, так что тебе не нужно слишком торопиться.

А Шу всё запомнил и уже собрался идти собирать вещи, но Сяо Жун остановил его:

— Погоди, есть ещё одно дело, которое я хочу тебе поручить.

Он обернулся и непонимающе посмотрел на него.

Отдав распоряжения А Шу, Сяо Жун немного поспал, а проснувшись, выпил чашку горячего чая и, накинув верхнюю одежду, вышел на улицу.

Стоял апрель, пора увядания цветов, и воздух был по-настоящему тёплым. Даже случайные порывы ветра несли с собой тепло. Люди, измученные холодами, стремились выйти на солнце, чтобы насладиться этим редким благом. Для него же такая погода была лишь едва сносной.

За последнее время он так часто появлялся рядом с государем, что теперь его знали все — и те, кто должен был знать, и те, кто не должен. Никто больше не останавливал его на входе. Если тот не был на совете, он мог войти к нему когда угодно.

Проходя мимо стражников, застывших с непроницаемыми лицами, Сяо Жун подумал, что, добравсь до Чэньлю, непременно нужно будет изменить этот порядок. Как могут люди, стремящиеся править Поднебесной, жить в таком подобии полевого лагеря?

Едва войдя, он услышал раздражённый голос Цюй Юньме. Тот кого-то отчитывал. Сяо Жун остановился и прислушался. Оказалось, государь отчитывал Цзянь Цяо за утечку информации.

— Как так получается, что любые важные события в армии спустя несколько дней становятся известны всему миру? Ты генерал или посыльный? Нет, посыльные с тобой не сравнятся! Теперь о предсказании Сяо Жуна уже и в Шаньшане судачат!

Цзянь Цяо чувствовал себя несправедливо обиженным.

— Государь, это не я...

— А кто, если не ты?! — рявкнул Цюй Юньме. — Разве то письмо Сяо Жуна не тебе было передано?!

— Мне, — промямлил Цзянь Цяо, — но я никому не рассказывал. Я сообщил только канцлеру Гао, генералу Юаню, генералу Гунсуню и генералу Вану... ах, ещё своей жене и её младшему брату. Они все свои, они не могли проболтаться!

Государь уставился на Цзянь Цяо, который с широко раскрытыми глазами отчаянно пытался доказать свою невиновность, и вдруг засомневался в себе.

«И с таким-то умом я назначил его командующим правой армией?»

Сяо Жун, слушая это, тоже не знал, что и думать. Первые ещё могли считаться надёжными соратниками, но вот последние двое...

Впрочем, он понимал логику Цзянь Цяо. В его сознании военные тайны были превыше всего, их он не выдал бы и под пытками. А то, что Сяо Жун обладал сверхъестественными способностями, — какой же это секрет? Он и сам трубил об этом на всю Пиньян. Что такого в том, чтобы рассказать об этом другим?

Его мысли были схожи. Он не возражал против того, чтобы о нём знали за пределами армии, но ему претило, что кто-то самовольно распространяет слухи, прежде чем он сам заявит о себе.

Всё дело было в том, что его положение всё ещё было недостаточно высоким. Подчинённые не знали его, а потому и не принимали всерьёз.

Подумав об этом, он решил не вмешиваться. Он слушал, как Цюй Юньме отчитывает Цзянь Цяо, унижая прославленного генерала. Тот, возможно, и не понимал всей серьёзности подобной утечки, но точно осознал, насколько разгневан ван.

Когда Цзянь Цяо собрался выходить, Сяо Жун поспешно спрятался. Будучи человеком, дорожающим своей репутацией, он прекрасно понимал, как важно беречь чужое достоинство.

Дождавшись, пока тот уйдёт, Сяо Жун медленно вошёл. Ван замер. Сперва его тело напряглось, но затем расслабилось. Напрягся он, потому что кто-то вошёл, а расслабился, потому что узнал его шаги.

Он обернулся. Отчитав Цзянь Цяо, он наговорился вдоволь и теперь был не в настроении

болтать, поэтому просто молча смотрел на вошедшего.

Советник находил государя на удивление лёгким для понимания. Ему не нужно было говорить — всё было написано на лице.

Он усмехнулся и сказал:

— Не обязательно это дело рук генерала Цзяня. Кроме его жены и её брата, остальные — доверенные люди государя. А у тех двоих вряд ли есть возможность связаться с людьми из Шаньшаня. На мой взгляд, его вины здесь нет.

Тот нахмурился.

— Госпожа Чжан вряд ли имела такую возможность, а вот что касается Чжан Бечжи — тут я не так уверен.

— ...Чжан Бечжи? — повторил Сяо Жун.

Цюй Юньме уловил странную интонацию в его голосе и, хмыкнув, с подозрением посмотрел на него:

— Что, знаешь его?

Сяо Жун поспешно замахал руками:

— Нет-нет, никогда не встречал.

Но он помнил это имя. В длинном списке предателей Чжэньбэй-вана Чжан Бечжи занимал одно из первых мест. К тому же, этот человек обладал некоторым военным талантом и даже пережил короткий период славы. Однако его судьба была похожа на судьбу Цюй Юньме в миниатюре: если уж настоящий Цюй Юньме был разгромлен, то его бледной копии и подавно не светило ничего хорошего.

Его поразило то, что этот человек оказался шурином Цзянь Цяо. В истории Чжан Бечжи погиб во время внутренней междоусобицы, и Цзянь Цяо никак с этим связан не был. Кто бы мог подумать, что они родственники.

Интересно, была ли госпожа Чжан ещё жива, когда Чжан Бечжи предал их? Если да, то ей, должно быть, пришлось очень несладко.

Он на мгновение задумался и с любопытством спросил:

— Осмелюсь спросить, государь, какую должность сейчас занимает Чжан Бечжи?

Тот посмотрел на него ещё более странно. Не знает, а столько расспрашивает? Но всё же ответил:

— Он заместитель генерала под командованием Цзянь Цяо.

Сяо Жун кивнул, сделав мысленную пометку. Пока что он не стал придавать этому слишком большого значения. Должность заместителя могла быть как значимой, так и пустой формальностью, всё зависело от доверия начальника. Но даже если Цзянь Цяо доверял ему безгранично, Чжан Бечжи не обладал достаточным влиянием, чтобы поднять мятеж и расколоть армию Чжэньбэй.

Оставив мысли о Чжан Бечжи, он вернулся к теме утечки информации:

— Государю не следует отчитывать одного лишь генерала Цзяня. Нужно издать военный приказ, чтобы вся армия осознала серьёзность последствий. А если кто-то нарушит его снова, следует сурово наказать, в назидание остальным.

Цюй Юньме подумал и согласился. Хотя он и считал главным виновником Цзянь Цяо, те, кто распространял слухи, тоже не должны остаться безнаказанными.

Внезапно спохватившись, он повернулся к Сяо Жуну:

— Ты пришёл ко мне только ради этого?

— Вовсе нет, — улыбнулся Сяо Жун. — Я пришёл просить у государя милости.

— Милости? — удивился государь. — Какой ещё милости?

— Государь не знает, — начал Сяо Жун, — но моя бабушка уже в преклонных годах и страдает слабоумием. Младший брат один заботится о ней. С повседневными делами он справляется, но отправиться в дальний путь для него непосильная задача. Я хотел бы, чтобы А Шу отправился за ними в Чэньлю. Боюсь, в пути они могут столкнуться с разбойниками, поэтому...

Цюй Юньме, всё поняв, прервал его:

— Знаю. Пусть Цзянь Цяо возьмёт людей и привезёт их.

Сяо Жун застыл.

Ты хочешь отправить прославленного командующего армией сопровождать старушку?!

— Нет, нет! — в ужасе замахал руками Сяо Жун. — Как можно так обременять генерала Цзяня! Это против всех правил!

Цюй Юньме не понимал. Ведь самого Сяо Жуну привёз именно Цзянь Цяо. Это его бабушка, женщина, которую почитает сам Сяо Жун, почему же Цзянь Цяо не может её привезти?

Но, видя его отчаянное сопротивление, тот помолчал и изменил решение:

— Хорошо. Пусть поедет Чжан Бечжи.

Сяо Жун снова промолчал.

«Боюсь, он по дороге продаст мою бабушку»

Однако в итоге остановились на Чжан Бечжи. Терпение государя было на исходе. К Цзянь Цяо он ещё питал некоторую привязанность и был готов избавить его от лишних хлопот, но Чжан Бечжи на такую милость рассчитывать не мог.

На следующий день совершенно сбитый с толку Чжан Бечжи, так и не понявший, за что ему выпала такая честь, отправился в путь с двадцатью всадниками и одним А Шу.

Этот случай заставил Сяо Жуну осознать ещё одну проблему: Цюй Юньме был слишком неформален. Он не соблюдал субординацию ни сам, ни требовал этого от подчинённых.

Прежде он несправедливо обошёлся с Юань Байфу, теперь вот использует Цзянь Цяо как простого посыльного. С Гунсунь Юанем и Ван Синьюном советник виделся редко и не знал, как государь обращается с ними, но вряд ли отношение сильно отличалось. У него не было заносчивости генерала или князя. Он мог лично преследовать врага на протяжении тысячи ли и считал, что другие тоже способны на подобные подвиги.

Он не понимал, что не все сохранили чистоту помыслов. Некоторые, карабкаясь вверх, делали это именно для того, чтобы насладиться привилегиями высшего сословия.

Сяо Жун покачал головой и направился в зал совета.

Фоцзы прибыл, передовой отряд для переселения столицы вот-вот должен был выступить, и Гао Сюньчжи созвал всех, чтобы обсудить некоторые внутренние дела.

Когда Сяо Жун пришёл, почти все были в сборе. Даже Фоцзы каким-то образом занял место среди советников и с улыбкой беседовал с ними.

Он промолчал.

Он, как обычно, сел рядом с Гао Сюньчжи. Фоцзы, увидев его, поклонился. Нельзя ответить грубостью на вежливость, и советник ответил на поклон. Гао Сюньчжи, увидев, что все собрались, изложил сегодняшние проблемы.

В сухом остатке сводились они к трём пунктам: нехватка денег, нехватка людей и нехватка земель.

Перед переселением столицы все были полны амбиций, но амбиции требовали материальной основы. Когда Гао Сюньчжи подсчитал расходы, оказалось, что их аппетиты были слишком велики.

Казна армии Чжэньбэй почти полностью состояла из военных трофеев. Эти трофеи были добыты в боях с кочевниками, оккупировавшими земли к северу от реки Хуай, и с мелкими бандами, которые ничем не отличались от разбойников. К несчастью, и кочевники, и бандиты были бедны, а потому и армия Чжэньбэй не могла похвастаться богатством.

Продовольственные запасы трогать было нельзя — они предназначались для войны с сяньби. Золото и драгоценности можно было продать, но это была капля в море — денег хватило бы от силы на месяц в Чэньлю. Что касается налогов... это был хороший способ, но трудновыполнимый. Земли к северу от реки Хуай были обширны, но богатых городов на них почти не было. К тому же, в этих городах сидели свои инспекторы и губернаторы. Они присягнули на верность Чжэньбэй-вану, но платить налоги и поставлять провизию не желали.

Если ввести принудительный сбор налогов, эти правители не пострадают. Удар придётся по простым людям.

Советники склонялись к принудительному сбору. В конце концов, слава государя гремела повсюду, и эти инспекторы, дорожа своими головами, не посмеют пойти против него.

Сяо Жун ещё ничего не сказал, как возмутился Юй Шаосе:

— Местные правители бездействуют и проедают свои должности! Сначала нужно заменить их нашими людьми, а не продолжать грабить простой народ!

Кто-то возразил:

— Легко сказать! И что с того, что мы их заменим? Суть не изменится. К тому же, это не решит сиюминутной проблемы. Пока новый правитель вступит в должность, в казне не останется ни

гроша. В итоге всё равно придётся собирать налоги с народа.

Гао Сюньчжи обеспокоенно заметил:

— Если собирать налоги в это неурожайное время, боюсь, это может вызвать народные волнения.

— В разгар переезда столицы наши позиции ещё не так прочны, — добавил Сяо Жун. — Столь резкие действия действительно могут навлечь ненужные беды.

Фоцзы, наблюдавший за ними, вдруг спросил:

— А каково мнение государя?

Гао Сюньчжи замаялся. Он и сам не понимал, почему Фоцзы участвует в их совете. Он думал, что для него придётся строить монастырь, а тот, похоже, вполне освоился в резиденции вана.

— Э-э-э, государь не любит заниматься такими мелочами. Он обычно поручает это господам советникам.

Чем больше говорил Гао Сюньчжи, тем более виноватым себя чувствовал. Сейчас ещё было не так плохо: по крайней мере, здесь сидели Сяо Жун и Юй Шаосе, настоящие советники. А вот год назад в зале совета не было ни одного толкового человека, и тогда Цюй Юньме выглядел ещё менее похожим на мудрого правителя.

Несмотря на это, выражение лица Фоцзы слегка изменилось. Советник, сидевший напротив, заметил это и поспешно сказал:

— Канцлер, столь важные дела всё же должен решать государь. В следующий раз, будьте добры, пригласите и его.

Гао Сюньчжи промолчал.

«Да разве он придёт, если я его приглашу?»

Но перед всеми он всё же согласился.

Чтобы сменить тему, Сяо Жун быстро добавил:

— Господин Юй прав. После того как династия Юн отступила на юг, чиновники к северу от реки Хуай — кто во что горазд. Большинство из них — ставленники знатных кланов или

бывшие вожди, которые, как только обстановка стабилизировалась, сменили доспехи на шёлковые халаты и стали вести себя так, будто эти земли всегда принадлежали им. Этим инспекторов непременно нужно будет заменить, но не сейчас.

— А что делать с налогами? — нахмурившись, спросил Юй Шаосе.

Советник, моргнув, повернулся к Гао Сюньчжи:

— Канцлер, нам не хватает провизии или денег?

— И того, и другого, — ответил Гао Сюньчжи. И добавил: — Но больше — денег.

На самом деле, их положение не было таким уж отчаянным. Проблема была в том, что государь точил меч на сяньби. Эту войну он был намерен вести во что бы то ни стало. А чтобы он мог одержать победу, всем остальным приходилось затянуть пояса.

Сяо Жун заставил стражников искать вермикулит, сам обжигал активированный уголь, а потом нашёл кузнецов, чтобы изготовить железный порошок. Так он и создал грубую версию грелки. С грелками война с сяньби действительно могла подождать, её можно было отложить. Но зная характер Цюй Юньме, отложить её до следующего года было невозможно.

Ни угольные брикеты, ни другие новинки, которые можно было бы продать, не принесли бы быстрой прибыли. Даже если бы у них было несколько месяцев в запасе, они бы ни за что не заработали достаточно денег, чтобы содержать целую армию.

Понимая это, все погрузились в молчание.

Он, видя их мрачные лица, вдруг спросил:

— А что, если бы кто-то другой заплатил за нашу войну с сяньби? Разве наше финансовое положение не стало бы тогда менее напряжённым?

Все уставились на него.

Конечно, стало бы.

Вот только кто окажется таким глупцом? И у кого есть такие деньги, чтобы пойти на столь убыточное дело?

Сяо Жун, встретив их недоумевающие взгляды, лишь загадочно улыбнулся, ничего не объясняя.

«В конце концов, — размышлял он, — пока что армия Чжэньбэй и Южная Юн поддерживают видимость мира. После переезда столицы я найду способ договориться с ними. Борьба с сяньби — долг всех жителей Срединной равнины. Почему только армия Чжэньбэй должна проливать кровь и тратить деньги? Другие державы тоже должны внести свою лепту!»

Сяо Жун всё прекрасно продумал. Однако он и не подозревал, что отношение Южной Юн к ним уже изменилось.

Едва узнав о намерении Чжэньбэй-вана перенести столицу, весь императорский двор Южной Юн на день погрузился в панику. Кое-как придя в себя, они разослали множество шпионов для сбора информации, но чем больше они узнавали, тем глубже погружались в отчаяние. Переезд был правдой, жители округа Яньмэнь уже паковали свои пожитки.

Императорский дворец

Сунь Жэньлуань, которому перевалило за сорок, только что успокоил напуганного юного императора, когда евнух доложил ему о прибытии канцлера Яна.

Канцлер Ян Цанъи, которому было уже под шестьдесят, был главой клана Ян. До того как клан Хэ взойшёл на трон, именно их клан считался первым среди знати. После воцарения Хэ клан Ян отошёл на второй план, а клан Сунь, за заслуги в возведении новой династии на престол и подаривший ей двух императриц, занял первое место.

Упорство и могущество знатных кланов были непостижимы для простых людей. Но основатель династии из клана Хэ был человеком необычайной твёрдости. Он был поистине велик и совершил то, что не удавалось ни одному из предыдущих императоров. Именно потому, что он был так велик, народ всего за шестьдесят пять лет признал династию Юн единственной законной, а его — единственным мудрым правителем.

Однако именно этот мудрый правитель под старость начал творить странные вещи, едва не погубив процветающую империю, которую сам же и создал. Он чуть было не потерял всё, что завоевал, а после его смерти в династии Юн не было ни одного спокойного года.

Ян Цанъи и Сунь Жэньлуань — представители старой и новой аристократии. Их происхождение, положение и взгляды делали их непримиримыми врагами. Но это — в мирное время. Теперь же, перед лицом внешней угрозы, они забыли о расприх и сели за стол переговоров.

Чжэньбэй-вана они оба видели. Он не был человеком коварным и расчётливым. Его внезапное решение о переносе столицы застало их врасплох. Цель этого шага была второстепенна, их больше беспокоило другое: с чего вдруг Чжэньбэй-ван так поумнел?

Тот инспектор Цзиньнина был глуп и не умел разбираться в людях, но пользовался некоторой известностью. Сунь Жэньлуань сначала унизил его, а затем тайно подослал людей, чтобы уговорить его перейти на службу к Чжэньбэй-вану. И что же? Едва тот прибыл, как был казнён за оскорбление государя.

Когда весть об этом дошла до Южной Юн, почти все учёные мужи ополчились на Чжэньбэй-вана. Казалось, больше ни один образованный человек не пойдёт к нему на службу.

О Сяо Жуне... его слава ещё гремела на севере и до юга пока не докатилась.

Они так и не смогли найти ответа, но и не поддались панике, как остальные. По крайней мере, сяньби всё ещё были угрозой. А пока сяньби существуют, Южная Юн в безопасности.

Поэтому они решили не принимать экстренных мер, но и сидеть сложа руки не собирались. В итоге Ян Цаньги предложил усилить охрану на берегах реки Хуай, направить туда часть войск и поручить это дело кому-нибудь сообразительному, чтобы тот постоянно докладывал об обстановке.

Он счёл это разумным и отдал приказ.

Военный лагерь Цзиньнина

Молодой, красивый генерал с алыми губами и белыми зубами сидел в своём шатре и читал письмо. Полог шатра откинулся, и вошёл его начальник.

— Юй Шаочэн, великий маршал приказал тебе взять шесть тысяч воинов и занять оборону в Хуайине. Приказ уже отдан, выступи немедленно.

Юй Шаочэн поднял голову, моргнул, глядя на начальника, и радостно улыбнулся.

— Есть! Благодарю великого маршала и генерала за оказанное доверие!

Начальник тоже с удовлетворением посмотрел на него. Этот юноша хоть и был из знатного рода, но характер у него был на диво покладистый, не то что у других аристократов, вечно задирающих нос. Теперь он, можно сказать, выбился в люди. Сам дядя императора запомнил его имя, а значит, впереди его ждёт блестящее будущее.

Начальник ушёл. Юй Шаочэн опустил голову, спрятал письмо и тут же начал собирать свои вещи.

«Шесть тысяч воинов... Прекрасно. С таким-то приветственным даром Чжэньбэй-ван наверняка закроет глаза на то, что я когда-то был генералом Южной Юн. Хе-хе, в путь»

<http://bllate.org/book/15355/1420385>